

Он стоял перед раковиной, механически стирая испачканное бельё, но мысли его были далеко. Вчера ночью, когда он был в полусне и его бдительность была снижена, тот человек спросил его по телефону что-то, и он ответил что-то... Что-то про бесстрашие, свободу, мастерство и деньги... Это было так стыдно.

Вступив в мир коммерческой фотографии, он снимал продукты, созданные ради прибыли и денег, и ему было стыдно называть себя мастером.

Мечты всё же были. Вначале он думал, что у него будет возможность снять цветок, пробивающийся сквозь руины, самый трогательный из всех. Но теперь он, кажется, инстинктивно стремился к комфорту.

Он всё ещё помнил тот день в старшей школе, когда он наконец понял, что в его жизни произошло что-то уникальное, невероятное, о чём нельзя было никому рассказать. Под воздействием этого шока он в одиночестве скрылся в библиотеке, пытаясь разобраться в своих чувствах.

Скрываясь среди книжных полок, он провёл пальцами по корешкам книг разной высоты, пока не остановился на самом заметном тёмно-красном из чёрно-белой гаммы. «The Living Theatre», Жизненная сцена.

Чёрно-белые фотографии переносили в атмосферу того времени: слепые, старики, женщины в ципао, стоящие на границе света и тени, дети с пустыми глазами, сидящие у фруктовых лотков. Узкие переулки, где свет едва проникал, здания по бокам, казалось, вот-вот поглотят тьму.

Он чуть не заплакал. Другой мир буквально вышел из страниц книги, полный противоречий и романтики страданий.

Если бы его спросили, когда он решил взять в руки камеру, это был бы именно тот момент.

Сочувствие к тем работам помогло ему понять себя и смело встать на жизненную сцену.

После уроков он прислонился к стене у школьных ворот, и Чжан Ицзэ протянул ему рюкзак.

— Мне нравятся мужчины.

Он прямо сказал своему лучшему другу. Чжан Ицзэ странно посмотрел на него и просто сказал «окей», как будто обсуждали, куда пойти ужинать.

— Я только что сказал, что мне нравятся мужчины, это не шутка.

Лэ Чэньань повторил, делая акцент на слове «мужчины».

Чжан Ицзэ немного раздражённо ответил:

— Ну и что? Любить мужчин тоже нужно есть. Пойдём со мной на горячий горшок.

В университете многие его работы были размещены на сайте факультета и напечатаны в буклетах. Он использовал камеры Canon, которые брал в аренду у факультета, некоторые даже без красного кольца. Его не интересовали давние войны между крупными брендами. Для него неважно, было ли это красное кольцо или золотая марка, он мог снимать чем угодно. Главное — это голова за объективом.

В понедельник Лэ Чэньань встал раньше петуха. Хотя сказать, что он встал рано, было бы

преувеличением — он почти не спал. Перед сном Сун Шэнь вдруг позвонил ему и сказал, что на этот раз они будут снимать вместе, и заказчик хочет увидеть разные идеи от них обоих. Он был в полном недоумении: как Сун Шэнь узнал, что он может предложить что-то? И как заказчик узнал?

Лэ Чэньань изначально забронировал студию только на четверг, но если нужно снять два варианта, то лучше захватить и пятницу.

После часа споров по телефону девушка наконец согласилась перенести бронь на среду или воскресенье.

Воскресенье было слишком поздно, времени на постобработку не хватило бы, так что пришлось согласиться на среду.

Он провёл два дня в подготовке, и только во вторник ночью закончил установку студии. Простой интерьер, фоновая стена была покрашена им самим, бочки и барьеры он тащил сам, и даже купил баллончик с краской, чтобы сделать на них эффект потертостей.

Когда он вернулся домой и принял душ, было уже около трёх утра. Несколько капель медной краски на запястье не отмывались, но он не стал заморачиваться. Лэ Чэньань упал в кровать и заснул, пока телефон не начал звонить без остановки.

— Алло?

Он взял трубку, даже не глядя на экран.

— Ты... не встал?

В голосе Му Ханя слышалось редкое волнение.

— Мм? Который час?.. Чёрт!!!

После вчерашнего дня физической работы он даже не услышал будильник. Съёмка должна была начаться в половине одиннадцатого, а сейчас было почти десять.

— Скинь мне свой адрес. Не паникуй.

В трубке послышался звук открывающейся двери:

— Я заеду за тебя.

Лэ Чэньань, кажется, услышал, как кто-то говорил Му Ханю что-то про незаконченный макияж... Не успевая думать, он быстро умылся, схватил рюкзак и выбежал из дома. Он оставил адрес возле закусочной с лягушками и раками, чтобы было удобно парковаться. В спешке он взял не ту одежду, и холодный ветер ранней весны продувал насквозь тонкую куртку пилота, свитер под ней тоже не спасал. Через десять минут он уже начал замерзать. Он не понимал, зачем Му Хань за ним приехал, и как тот вообще узнал о его планах...

Когда он сел в машину, он первым делом прижал замёрзшие руки к вентилятору кондиционера. Му Хань взглянул на него и увеличил температуру:

— Почему так легко оделся?

— Некогда, давай быстрее.

Лэ Чэньань был в отчаянии. Первая самостоятельная работа, и он уже подвёл. Придётся ли ему кланяться сотрудникам...

Му Хань нажал на газ, и рев двигателя прервал его мысли. В спешке он не обратил внимания, но теперь понял, что это была не обычная машина. Он медленно повернул голову к рулю и увидел красно-чёрный щит с логотипом, в центре которого была вздыбленная лошадь, а над ней — чёрные буквы STUTTGART.

Лэ Чэньань от удивления чуть не выпал из машины. Он ехал на Porsche 911 на работу. Жизнь полна сюрпризов.

По пути Тан Синь звонила несколько раз, но он не решался ответить, крепко держась за ручку над головой и едва дыша. Это была самая дорогая машина, на которой он когда-либо ехал, и, естественно, его укачало сильнее всего.

Выйдя из машины, он, преодолевая головокружение и тошноту, бросился в студию. Там были не только Тан Синь, но и Сун Шэнь...

Лэ Чэньань увидел злорадство в глазах Тан Синь и гнев в глазах Сун Шэня, который пришёл, чтобы помочь, а его ассистент опоздал.

Он глубоко вздохнул:

— Доброе утро, учитель Сун, Тан... Тиффани, доброе утро...

— Ещё утро? Посмотри, который час. Опоздал больше, чем модель, ждёшь, пока мы всё подготовим?

Тан Синь, подбоченившись, перекрыла ему вход.

— Извините, я сейчас всё подготовлю. Очень извиняюсь.

Он хотел войти, но Тан Синь не собиралась уступать.

— Прощу прощения.

Му Хань, припарковав машину, вошёл в студию.

Лэ Чэньань удивился, хотел попросить его уйти, но Тан Синь вдруг заулыбалась:

— МУ, куда ты уходил? Макияж ещё не закончен, визажист тебя искал.

— Я поехал за ним.

С этими словами Му Хань схватил Лэ Чэньаня за шею и втолкнул в студию.

Даже самый невнимательный понял бы, что Му Хань был одной из моделей.

Все сотрудники сразу изменились, и злоба исчезла. Особенно Тан Синь, которая вдруг начала помогать Лэ Чэньаню с измерением света. Он удивился: всего лишь модель, неужели это так важно?

Когда модели появились после макияжа и подготовки, в студии раздались явные вздохи.

— Какой красавец...

Тан Синь не смогла сдержать восхищения.

Лэ Чэньань не обращал внимания, сосредоточившись на настройке параметров и измерении света.

— Эй, красавчик!

Сюэ Сяо, всегда бесцеремонный, подошёл и хлопнул его по плечу. Лэ Чэньань испугался, защищая камеру, боясь, что звёздный гость слишком сильно толкнёт.

— Давно не виделись.

Лэ Чэньань поднял камеру и навёл на него.

В объективе молодой человек с идеальным макияжем, в белой вязаной шапке и синих поляризационных очках, в лососёво-розовом лыжном костюме, который, казалось, был унисекс.

— Нравится? А макияж?

Сюэ Сяо приблизил лицо.

— У меня спрашиваешь? Это к визажисту.

Лэ Чэньань был польщён.

— Глаз художника лучше.

Сегодня знаменитость вела себя очень скромно, видимо, после успешной обложки.

— Какой художник... Мне кажется, всё хорошо. Ты и без макияжа красивый.

Хотя Лэ Чэньань считал, что макияж был слишком ярким, но в студии с искусственным светом он не решался критиковать визажиста.

<http://bllate.org/book/16169/1449165>